

Тамара Злобина

*Листик
неприкаянный*

Тамара Владимировна Злобина

Листик неприкаянный.

Криминальная драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270769

ISBN 9785449347992

Аннотация

Повесть прослеживает жизнь нескольких деревенских семей: Редькиных, Бовиных, Венгеровых, Горыниных. Эти жизни переплетаются, как паутинки на осеннем лугу, переливаясь всеми цветами радуги от яркого – до самого тёмного, почти чёрного. В повести есть место всему: и любви, и ненависти, и криминалу и даже – мистике.

Содержание

Глава 1. Нина	5
Глава 2. Иван	12
Глава 3. Генка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Листик неприкаянный

Криминальная драма

Тамара Владимировна
Злобина

© Тамара Владимировна Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-4799-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Нина

Нина вышла на крыльцо, чтобы хоть немного глотнуть свежего воздуха, надышавшись под завязку пьяного угара.

Из дома донёлся злой, пьяный голос:

– Куда намылилась, Нинка?

– Да в погреб я! – громко ответила молодая женщина. – За яблоками мочёными.

– Капусты заодно прихвати! – приказал голос. – И парочку солёных арбузов... Хороши они у тебя!!

– Ага, сейчас, – уже тихо ответила Нина, – яда болотной кобры вам, уроды, прихватчу заодно.

Женщина взглянула на небо. Звёзды высыпали ярко и крупно, взирая со своей недоступной высоты высокомерно и равнодушно.

– Что смотрите? – спросила Нина и голос её слегка задрожал. – Помогли бы. Разве не видите, что ирод Генка со своими подельниками уже всю кровь выпил?... Ещё немного и я не выдержу. Или себя прикончу... Или их всех порешу.

Звёзды молча подмигивали с небес, словно поддразнивая женщину, и помогать явно не собирались.

Едва она сошла с крылечка и сделала несколько шагов в сторону погреба, как из ближайших кустов до неё донёлся

не-то вскрик, не-то стон.

– Кто здесь? – испуганно спросила Нина.

Стон повторился вновь. Когда она раздвинула кусты сирени, то увидела мужчину, лежащего на земле в позе эмбриона.

Мужчина вновь застонал – протяжно и жалобно. Голос показался Нине знакомым.

– Андрей? – предположила она. – Это ты?

Парень ничего ей не ответил.

Нина подошла к лежащему вплотную и склонилась над ним, как птица над своим птенцом.

– Ты что – выпил? – спросила она с предубеждением.

Ответа вновь не последовало.

Женщина тронула парня за плечо, надеясь растормошить его, и едва не вскрикнула: её рука была в крови.

Недаром пьяная компания несколько раз за вечер вспоминала об Андрее Карелине, каждый раз смолкая, едва появлялась в комнате она.

– Вот значит как? – усмехнулась Нина, сразу сообразив, что это дело рук Генки Бовина и его уголовных дружков.

– Вставай, Андрюша, – попыталась поднять парня Нина, – нужно уходить отсюда. Если Полукастрат увидит тебя здесь – добьёт без сожаления.

Поднять крупного Андрея у худенькой Нины не получи-

лось – силы были явно не равны. Пыталась тащить, но мешали кусты сирени, в которых парень застрял, как рыба в неводе. Тогда женщина зашла с тыла и всё-таки смогла оттащить непомерный груз подальше от крыльца. Парень снова застыл – видимо, она потревожила его рану на шее, из которой всё ещё сочилась кровь.

И в это время на крыльцо вышел Бовин. Нина, дрожащей рукой, зажала рот Андрея накрывая его своим телом.

Генка расстегнул ширинку и, не сходя с крыльца, справил малую нужду, едва не обдав струёй притаившихся в кустах Нину и Андрея.

– Выродок, – прошептала с ненавистью женщина.

– Где носит эту сучку? – со злостью бросил Бовин. – Только вернись, шалава! Отымею по полной, хоть и давал обещание твоему мужу придурку не трогать тебя.

– А хренка с бугорка? – тихо поинтересовалась Нина. – Дождёшься ты у меня, урод полукастрированный! Спалю живьём со всей твоей гоп-компанией и скажу, что сами подпалились по пьяни.

Сказала в запале, понимая, что не сможет сделать этого, ведь это дом её родителей, доставшийся в наследство, где каждый кирпичик, каждая досточка помнит руки её отца – Фёдора Николаевича Никитина, первого мастерового на деревне, ушедшего из жизни пять лет тому назад в полном рас-

цвете мужских сил.

Едва Бовин вернулся в дом, матерясь и чертыхаясь, Нина волоком оттащила Андрея к сараю, выкатила из него садовую тачку и с горем пополам погрузила на неё бесчувственного парня.

Нужно было спешить, пока её не хватилась пьяная компания и не начала разыскивать.

Женщина выкатила тачку из ворот, на ходу соображая куда отвезти парня.

– Домой нельзя, – решила она. – У Веры Ивановны сердце больное – может не вынести такой картины.

И Нина покатила тележку по тропинке вниз, к реке, прикрывая парня своим платком. Метров через сто показались строения нескольких бань, прилепившиеся на небольшом возвышении недалеко от реки. Нина направила тележку в последнюю из них, которая была построена раньше всех остальных и которой пользовались очень редко.

Дальше предстояло затащить Карелина в баню и уложить на полоч. Это мероприятие казалось хрупкой женщине невыполнимым.

– Ну, в баню-то, возможно, я его и затащу, – думала Нина, – а вот как на полоч подниму...

– Что же ты такой тяжёлый, парень? – поинтересовалась

она, вглядываясь в лицо Андрея. – Так и надорваться недолго... Я же не Поддубный какой-то там – Ниночка-тростиночка, как называла меня мама... И ведь позвать никого нельзя – боязно: вдруг донесут этому ироду... Тогда всё... Полный пипец, как любит выражаться Генкаполукастрат, и Андрею, и мне.

Но, как говорится: глаза боятся, а руки делают. Нина сама не поняла, как смогла затащить парня в «парную», но втащить на полоч всё же не смогла. Пришлось оставить парня на полу.

Осмотрев его раны, женщина поняла, что без доктора здесь не обойтись. Раны была не только на шее и плече, но и на голове. На шее и плече были неглубокие ножевые раны, а на голове рана основательная – как видно его ударили сзади чем-то тяжёлым.

– Бедный Андрейка, – пожалела Нина, – как же тебя угодило перехлестнутся с этими уродами?... Тебе ещё повезло, что остался жив.

И тут она вспомнила о словах старого ветеринарного врача совхоза Леонида Сергеевича, что человек, в сущности отличается от любого домашнего животного только тем, что ходит на двух ногах, а не на четырёх лапах.

– У него то же сердце, лёгкие, печень и иная прочая трубуха. Так что лечить его может и врач моего профиля.

– Потерпи, Андрейка, – шепнула она парню, наклоняясь к нему близко-близко, словно именно так он может услышать её. – Я сейчас мухой к Леониду Сергеевичу метнусь – приведу его сюда... Ты, пожалуйста, никуда не уходи.

Уговаривать старого ветврача долго не пришлось: услышав, что нужна помощь Андрею Карелину, он поинтересовался что у него?

– Ножевые ранения шеи и плеча... И удар чем-то тяжёлым по голове.

– Он в сознании? – вопросительно взглянул на неё старый доктор.

– Нет, – призналась Нина.

Не говоря больше ни слова, Леонид Сергеевич, взял свой походный чемоданчик и целлофановый пакет с белым медицинским халатом, перчатками и перевязочным материалом.

Уже на пороге квартиры сказал:

– Идём. И как можно скорее. Дорога каждая минута.

Прошли огородами, чтобы не привлекать внимание досужих кумушек, готовых раздуть из любого факта, по выражению того же Сергеевича, «прецедент».

Андрей всё ещё был без сознания. Леонид Сергеевич обработал раны на плече и шее, сообщив Нине, что особого беспокойства они не вызывают.

Обследуя рану на голове, он по привычке цокал языком, успокаивая раненого, как если бы перед ним находился привычный ему телёнок или жеребёнок.

– Рану я обработал, – сообщил он, – но его срочно нужно вести в районную больницу... Рана на голове очень коварная... Как бы не было кровоизлияния в мозг...

Заметив, как затрясло Нину, он сказал:

– Да не трясись ты так – не трясись! Это я худший вариант озвучил... Вполне возможно, что это не так... Я сейчас подгоню на берег свою тарантайку – мы погрузим Андрея и я сам отвезу его в райбольницу... Там у меня друг работает.

Глава 2. Иван

Иван Редькин, муж Нины, получил срок по глупости. Преступником он не был, хотя и Ангелом не был тоже. Вся деревня знала его, как облупленного, и каждый мог поручиться: то, что ему «пришили», «ложь, пердёж и провокация», как выразился один из местных жителей – дед Матвей, знавший ещё молодыми деда с бабкой Ивана. Впрочем, это уже другая история...

Подрасться с кем-нибудь по пьяной лавочке, морду разбить в кровь – это, пожалуйста, это сколько хочешь, но украсть что-то или тем более избить до полусмерти – кишка тонка, по выражению всё того же самого деда Матвея.

Просто Иван перешёл дорогу местному богатею Сидору – вот и подставил тот Редькина. Технично так подставил и по полной программе: кража в особо крупном размере, отягчённая сопротивлением при задержании с применением холодного оружия.

И неважно, что участковый Никитин Захар, и давно купивший его Сидоркин Игнат, сами начали драку, прицепившись к Редькину по пустяку. А холодным оружием, фигурировавшим в деле, стал перочинный нож, которым Иван строгал простой карандаш, бывший, можно сказать, его главным

орудием труда, незаменимым в строительстве срубов домов, бань, пристроек.

Местные жители зло посмеивались, что если бы не было ножичка за холодное оружие был признан этот самый карандаш.

Срок Ивану припаяли такой, что не за всякое убийство дают: семь лет строгого режима. Сидор требовал ещё и конфискацию имущества – только имущества у Ивана кот Матвей и пёс Кучум с которыми он пришёл в семью Нины. Тут Сидоркину «облом» случился, потому как он уже раскрыл клюв и на дом-пятистенок, и на подворье нехилое и на какую-никакую машину, хоть и «копейку» но в хорошем состоянии – по полям мотаться в самый раз.

После оглашения приговора дед Матвей объявил во всеуслышание:

– Придётся тебе, Сидор, на Нинке жениться! Иначе имущества тебе не видать, как собственных ушей без зеркала.

Хохот в зале стоял минут пять.

Сидоркин вскочил с места и заорал, перекрывая все звуки:

– Заткните глотки, идиоты! Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Ванька вон тоже всё хохотал... Пусть теперь на зоне похочет!

Иван только зубами заскрипел, кидая ненавидящие взгляды на «барина», а тот вальяжно развалился сразу на двух стульях и нагло ухмылялся, заявив односельчанам:

– Ну, теперь поняли, быдло, кто здесь хозяин?! Не советую со мной тягаться – боком вылезет!

Каждый из сельчан мысленно плюнул Сидору в рожу, как по команде отвернувшись от мироеда. Дед Матвей при этом умудрился воздух испортить – да так громко выхлоп произвёл, словно выстрелил в самозваного хозяина.

Тот поморщился и зло отреагировал:

– Я тебе это ещё припомню, вонючка старая!

– Шо и меня посодишь, кудесник хренов? – выдал дед без зазрения совести. – Так я и проклясть могу: какой-никакой всё ж твой родственник!

И заскрипел-засмеялся, как не смазанная дверь столетней давности.

В народе ходила молва, что мать Сидоркина – Пелагея в своё время прижила его с сыном Матвея – Петром. Красив был парень невероятно, как артист какой с картинки! Откуда что взялось: косая сажень в плечах, талия и бёдра узкие, ноги как у тех красоток, что по подиумам шастают. Вы, что подумали: худые, длинные и на каблуках? Смешно, право: стройные и длинные!

Не только девки готовы были прилечь с ним на сеновале, но и бабоньки вздыхали, представляя себя в его сильных объятиях.

Вот и Пелагеюшка допредставлялась, пока в её закромах не завелось дитяти. Отец Сидоркина был слабоват на передок: не в том, что имел всё, что шевелится, а в том, что все выстрелы были холостыми. А Пелагея страстно хотела ребёночка – вот и выбрала для своей цели красавца Петра.

Когда Пелагея понесла Никифор Сидоркин ходил по селу гоголем, гордо поглядывая на всех свысока: мол и мы моём детей делать – дело нехитрое.

А односельчане прыскали на эту гордость чуть ли не в открытую. Но, когда Пелагея разрешилась, языки прикусили: уж очень невзраченьким был ребятёночек – явно не в Петра Матвеевича. Только с возрастом что-то начало просвечиваться в облике, словно слабый налёт или дымка лёгкая физиономию подёргивала на мгновение и вновь отступала.

Но разговор у нас не о Сидоркине, а об Иване и его жене Нине.

Нина первые три месяца горевала, конечно, как всякая порядочная жена, хотя, если честно, Иван был далеко не идеальным мужем. Нет, тверёзым он был ещё ничего, а выпив, становился ухарь-ухарем – даже руку на Ниночку поднимал не единожды. Поднимать-то поднимал, но ударить не по-

смел: не смог так поступить, глядя в её небесно-голубые глаза. Однажды в припадке ухарства, не выдержав такой слабости, Иван сказал не скрывая негодования:

– Отвори глаза, Нинка! Не могу я в них глядеть!... Ведьма ты што ли?!

Хоть и горевала Ниночка для приличия, однако, намеревалась Сидору его кривые ножки поломать в отместку за то, что он на семь лет лишил её защиты и опоры – работягой Иван был отменным, как и её отец – мастер на все руки.

Уже планы начала строить Нина, как отомстит оглоеду, но тут вдруг из мест не столь отдалённых явился Генка Бовин, которого в деревне иначе, как Генка-полукастрат никто не называл.

На следующий же день Генка явился к Нине и с порога заявил, что привёз привет от её мужика.

– Он, понимаешь, Нин, к нам в отряд попал, – заявил Бовин, поглядывая на стол голодным взглядом. – Я его, конечно, сразу под крыло взял... Как-никак односельчане.

Нина накрыла стол, поставила всё, что было, а Генка, приняв на грудь стакан водки, распелся, как соловей:

– Ванька твой мямлей оказался, Нинок! Ни на одну предьяву ответить не мог... Там так нельзя... Или ты – или тебя. Или пацан – или петух... Пришлось его крышевать... Если бы ни я полный пипец был твоему мужику: домой точ-

но бы бабой вернулся!

И с того дня Бовин зачастил в дом Нины. Сначала один являлся и, как хозяин, сразу к столу направлялся.

– Что-то я сегодня наестся никак не могу! – выдавал он. – Видать отъедаюсь за все годы недоедания в тюрьге.

Нину словно подмывало сказать: –«А причём тут я? Отъедался бы у себя дома!», но при одном взгляде масляных глазок Полукастрата у неё все слова примерзали к языку.

Вот и вчера Бовин явился со своими, как он представил, подельниками: Колька-Хлыщ и Валька-Бугай. С Валентином Бугаевым Бовин отбывал срок, а Хлыщев присоединился к ним уже после возвращения сидельцев.

Нина не верила ни одному слову Генки: Иван, с его характером, никак не мог быть мямлей, да и этих отморожков не мог направить к ней. Не верила и, будучи по характеру тихой и мягкой, боялась. Полукастрат понял это и стал называть её овцой.

Однажды, когда он протянул к ней руку она так шарахнулась от него, что чуть не упала. Генка захохотал, как сумасшедший, и сказал:

– Не мандражируй, Нинок! Ты не в моём вкусе. Я люблю пухленьких, мягоньких баб, на которых лежишь, как на перине...

Он обвёл её худенькую фигурку наглым взглядом и добавил:

– А ты – доска и два соска! Об твои рёбра и поцарапаться недолго.

Но тут вступил худощавый, низкорослый Хлыщ:

– А по мне так в самый раз! Рядом с дородной бабой я теряю всякую представительность, а с такими, как Нинка, гоголь-гоголем.

Нину даже передёрнуло от отвращения и захотелось бежать из собственного дома куда глаза глядят. Жаль, что сделать этого она не могла. И помочь было некому. Если даже такого парня, как Андрей Карелин, эти уголовники довели до больницы, то как могла противостоять им маленькая, худенькая женщина?

Глава 3. Генка

Верунька Ивлева на суде сказала, что сама была не против с Генкой Бовиным покувыркаться.

Она глуповато улыбалась и хихикала, отворачивая лицо от, задававших ей вопросы. адвокатов.

– С Виктором Смагиным и Иваном Вяткиным тоже была не против? – настаивал адвокат обвиняемых.

– Это они были не против, – хихикнув, ответила Ивлева, – потому и очередь устроили.

Со всех сторон посыпались реплики: кто осуждал поведение распутной девахи, кто подшучивал и над ней, и над пацанами, кто проклинал и её, и их, и судей заодно.

Генке в ту пору едва пятнадцать стукнуло, а двум его дружкам было слегка за восемнадцать. Поэтом Бовину дали меньше остальных и сначала отправили в колонию для несовершеннолетних, а когда исполнилось шестнадцать – перевели в обычную.

За год пребывания в колонии Генка уже неплохо адаптировался в уголовной среде, и обитатели колонии с ним считались, признав за своего пацана в доску. На зоне пришлось всё доказывать заново, когда один из зоновских завсегдатаев, узнав по какой статье был осуждён вновь прибывший, за-

хотел сделать его петухом.

– Ты всё-равно ни мужик ни баба – так Полукастрат! – заявил он во всеуслышание. – Быть тебе петушком среди мужиков!

Попытка, говорят не пытка, но мужик едва не лишился своего хозяйства: Генка так вцепился в него, как бульдог в кусок мяса, что Сенька Шапошник заверещал похлеще кастрируемого борова. Визг стоял до тех пор, пока не набежала охрана и не вырубил Бовина ударом приклада по голове.

Сеньку отправили в больничку, а Генку в изолятор – пока не покается в содеянном. Генка промолчал неделю, но так и не покался. Для пущей остратки его продержали в карцере ещё три дня и, наконец, выпустили, наградив на прощание пинком.

Больше Бовина никто не хотел опетушить, потому как он заявил:

– Даже не думайте на этот счёт! Отгрызу любому!

Откуда на зоне узнали, что его в деревне нарекли Полукастратом, Бовин так и не понял. Видно слухи о каждом из сидельцев распространяются в тех местах с голубиной почтой.

Ещё в розовом детстве, когда ему едва исполнилось четыре года, любил Геночка по деревне голышом прогуливаться. Говорил ещё плохо, но звонить своими колокольцами уже

научился: бегал по деревне и звонил:

– Тилибом! Тилибом!

До тех пор бегал пока не сорвался с цепи соседский кобель и не отхватил у мальчика один колоколец. Кровищи было! А крику! Сбежалось чуть ли не пол села.

Думали, что помрёт малец. Если бы не ветеринар Леонид Сергеевич, наверное, так и случилось, но тот сразу сообразил что к чему – остановил кровь и на своей тарантайке увёз мальчика в районную больницу.

Бовин старший тут же кобеля пристрелил из своего охотничьего ружья. Попытался покончить и с его хозяином, но вовремя кто-то подоспел и выбил из его рук ружьё. Пуля прошла в нескольких сантиметрах над головой Никиты Петрова. Тот даже поседел от страха в единый миг.

Бовина трое мужичков уволокли домой, но он успел пригрозить Петрову:

– Не жить тебе, урод, так и знай! Сейчас не получилось...

Завтра-послезавтра жди расплаты.

В этот же вечер Никитины из села уехали, зная нрав соседа и то, что тот никогда слов на ветер не бросает.

Второй колоколец пацанёнку спасли. После этого он уже не бегал по деревне нагишом, однако, с тех пор прозвище Полукастрат приклеилось к Геннадию, как банный лист к пятой точке.

Широк всё-таки наш народ во всех своих проявлениях: помогать – так помогать, жалеть – так жалеть, ненавидеть – так ненавидеть, потешаться – так потешаться. Всё от души, всё до самозабвения.

Мать Геннадия – Катерина, была уверена: в том, что её сын стал уголовником, немалая вина односельчан. Для них всё шуточки-прибауточки, а сыну – смертельная обида. Вот он и озлобился парнишка на весь Свет Божий.

Конечно, она понимала, что большая часть вины, лежит всё же на муже – Егоре Николаевиче.

Один вид Бовина-старшего чего стоит: нелюдимый, взгляд тяжёлый, колючий из под нахмуренных бровей. Ни друзей, ни приятелей – либо нужные люди, либо собутыльники, либо случайные попутчики от которых Егор хочет что-то поиметь.

Доброты и жалости у мужика – на грош, а уж презрения и ненависти ко всем хоть лопатой отгребай. Разве может научить такой чему-нибудь доброму своего единственного «наследника»? Каково наследство – таков и наследник: недаром говорят, что яблоко от яблони падает недалеко.

Отбыл своё наказание Генка и вернулся домой, а там почти полный раззор: отец два года назад замёрз по пьянке прямо у родного крыльца, мать из болячек не вылезает. Была баба, как баба, а теперь – тонкая, звонкая и прозрачная. Ни

тебе в хозяйстве работница, ни по дому хозяйка. Жрать дома и то не всегда есть что. Вот и зачастил Генка в дом Редькиных: там полная чаша – и выпить что есть и закусить чем от пуза, всегда тепло, светло и вкусно пахнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.